

Дмитриев В.Г

"ПЕРСИДСКИЕ ПИСЬМА" В РОССИИ

Блестящий образчик эпистолярной литературы, «Персидские письма» Шарля Монтескье, впервые вышедшие в 1721 году, принадлежат к числу наиболее известных произведений французской классической литературы.

Их автор одним из первых удачно использовал в целях сатиры такой литературный прием, как письма вымышленных иностранцев к себе на родину. Эта маскировка позволила ему в обход цензуры высказать самые резкие суждения о политической жизни тогдашней Франции, критиковать ее нравы, якобы увиденные со стороны свежими глазами двух персов, Узбека и Рики, будто бы живших в одном доме с «переводчиком» их писем.

Книга имела огромный успех и при жизни автора выдержала 30 изданий. Появилось множество подражаний, но, в противоположность им, ей не суждено было устареть.

Образованные круги русского общества еще в XVIII веке прекрасно знали «Персидские письма» в оригинале. Эта книга имела в библиотеках большинства русских писателей; о ней упоминают и Пушкин, и Белинский, и Герцен, и Тургенев, и Лев Толстой. В московских библиотеках есть 115 изданий «Писем».

История переводов их на русский язык представляет большой интерес и отражает борьбу царской цензуры с «вольнодумными» сочинениями.

Впервые перевел «Письма» один из первых наших сатириков — Антиох Кантемир. Будучи русским послом в Париже, он познакомился с рядом французских литераторов, в том числе с Монтескье. В письме последнего аббату Гуаско от 1 августа 1744 года говорится о «той горести, какую причинила нам смерть нашего друга Кантемира» (аббат перевел сатиры последнего на итальянский). После смерти Кантемира Монтескье содействовал выходу этих сатир и на французском языке (1749).

Карамзин в «Пантеоне российских авторов» (1802) также упоминает о том, что «Кантемир был приятелем славного Монтескье». В воображаемом разговоре Кантемира с Монтескье и двумя аббатами, описанном Батюшковым в очерке «Вечер у Кантемира» (1817), Кантемир упоминает о своем переводе «Персидских писем» на русский, а их автор изумляется этому.

Однако перевод Кантемира до нас не дошел, и впервые фрагменты «Писем» были опубликованы на русском языке почти полвека спустя в переводе Ивана Чашникова. Он поместил письма X—XIV («История троглодитов») в альманахе «Избранное чтение, или Собрание чувствительных и к внушению добродетели споспешествующих повестей» (1786) под названием: «Троглодиты, или Единое токмо исполнение добродетелей сделать может народ счастливым, сочинение г. Монтескию».

Через три года, в 1789 году, появился первый полный перевод (161 письмо) Федора Пospelова, а в 1792 году — перевод Ефима Рознотовского. Любопытно, что эти переводы не пострадали от цензуры: лишь в письме XXIV вычеркнуто место, где автор устами Узбека издевается над триединством христианского бога и над таинством «пресуществления»: «Он заставляет всех верить, что трое — это один; что хлеб, который едят, — не хлеб; что вино, которое пьют, — не вино». Остальные высказывания о религии, невзирая на их явную крамольность, пропущены в печать, даже письмо XIX, где Узбек

рассуждает о сущности бога, о мнимом его всеведении и о его взаимоотношениях со свободной волей людей, и письмо XXV, где говорится о том, что христиане вовсе не следуют заветам своей религии.

Своей полнотой переводы «Персидских писем», появившиеся в России в конце XVIII века, выгодно отличаются несмотря на устарелость лексики и синтаксиса, от более поздних, пестрящих цензурными купюрами.

Объясняется это, вероятно, тем, что Екатерина II, до того как во Франции разразилась революция, стремилась показать себя в глазах Европы либеральной правительницей. Спихватилась она лишь с появлением «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790). А в 1792 году цензура могла просто проворонить крамольную книгу — проворонила же она «Путешествие»!

Затем в течение почти 100 лет эта книга Монтескье на русский не переводилась. Дух, которым она проникнута и который получил у нас название «вольтерьянского», делал невозможным появление ее в России и в эпоху аракчеевщины, и в годы николаевского режима, и даже позже. Любая попытка издать «Персидские письма» была заведомо обречена на провал и даже грозила преследованиями, что прекрасно понимали как переводчики, так и издатели.

Лишь в 1884 году появился новый перевод «Писем» в серии «Библиотека европейских писателей и мыслителей», издававшейся В. Чуйко. Письма здесь не нумерованы, фамилия переводчика не указана, перевод очень плох. Упомянутое выше письмо XXV цензура не пропустила вовсе, а от письма XIX остались лишь первые три строчки и пять последних; все остальное заменено рядами многоточий.

В 1887 году прогрессивный издатель Л. Ф. Пантелеев привлек к переводу «Писем» В. М. Гаршина. На вопрос, не возьмется ли он за перевод, Гаршин ответил, что с удовольствием сделает это, «хотя он тогда совсем не нуждался в переводной работе», — отмечает Пантелеев в своих «Воспоминаниях». Вскоре Гаршин сообщил издателю, что начал перевод, который «очень его увлекает».

Но он успел перевести лишь 11 писем: работа была прервана его болезнью и безвременной смертью.

В 1892 году «Персидские письма» все же вышли в издании Пантелеева, который привлек другого переводчика (фамилия не указана), без примечаний, хотя текст весьма в них нуждался. Перевод был далек от совершенства.

В том же году вышел еще один перевод, в издании журнала «Пантеон литературы», со вступительной статьей Л. Первова. Этот перевод также был анонимным, в некоторых местах он искажал смысл оригинала. Так, «petitesse» (мелочность) переведено «вежливость»; «homme a bonne fortune» (волокита) превратился в богача, москвиты — в москвичек. В письме XXV фразе: «Религия здесь — не столько совокупность священных обрядов, сколько предмет для всеобщих споров» — придан противоположный смысл: «Религия не есть предмет для всеобщих споров».

Но главное, этот перевод сильно пострадал от цензуры и изобилует сокращениями. По характеру купюр легко проследить, что именно в книге Монтескье показалось царским цензорам предосудительным.

В первую очередь красный карандаш прошелся, конечно, по дерзким высказываниям против христианской религии, вложенным автором в уста Узбека. Так, в письме XXIV после слов «сего мага зовут папой» вычеркнуто уже приведенное нами место о святой троице и о причащении. В письме IX вычеркнута фраза: «Кто-то очень метко выразился, что если бы треугольники создали себе бога, то у него было бы три стороны». Письмо XIX, укороченное в издании Чуйко до восьми строк, здесь опущено целиком — как можно усомниться в таком свойстве бога, как всеведение, как можно противопоставлять волю людей его воле?

Не понравились цензору и рассуждения казуиста в письме VII: тут и фамильярное обращение с богом, и софистика, имеющая целью оправдать грехи... Поэтому после слов «чтобы хоть как-нибудь пробраться в рай» все остальное вычеркнуто. Убрано и замечание о вреде фанатизма из письма X.

Не считал цензор возможным пропустить в печать и некоторые высказывания о России и о Петре I (письмо I Узбеку из Москвы).

Но и там, где речь шла о Франции и Персии, об их внутренних делах, цензор, боясь, как бы описание порядков, свойственных абсолютизму персидскому и французскому, монарших капризов и придворных нравов не навело русских читателей на какие-нибудь параллели и нежелательные мысли, усердно вычеркивал (например, в письме XXXVII) места, где говорилось о незаслуженных наградах, раздаваемых Людовиком XIV по своей прихоти, о несправедливом затирании талантливых офицеров. Как тут было не вспомнить, что и в русской армии на высшие командные должности назначались бездарные и престарелые, но титулованные генералы, главным образом из немцев?

В переводе письма С VII мы не находим характерного места: «Всякий, кто при дворе, в Париже или в провинции наблюдает те или иные поступки министров, чиновников, прелатов, но не знает, какая женщина имеет влияние на каждого из них, подобен человеку, видящему машину в действии, но не имеющему понятия о том, какие пружины приводят ее в движение».

Смущали царских цензоров упоминания о бунтах и мятежах. В конце XXX письма вычеркнуто: «Вижу, что сознание безнаказанности приводит к росту беспорядков; что в сих государствах дело не ограничивается мелкими восстаниями, и вслед за ропотом сразу же вспыхивает мятеж».

Таким образом, в 1892 году эта книга показалась царским цензорам более крамольной, чем за сто лет до того, при Екатерине II...

В советское время «Персидские письма» были изданы у нас лишь в 1936 году, а затем в 1956 году. Это был заново отредактированный старый анонимный перевод, с восстановлением мест, пострадавших от цензуры. Книга вышла небольшим тиражом, давно сделалась библиографической редкостью. Жаль, что эта блестящая политическая сатира, одно из лучших произведений философского жанра, малознакома современным читателям.